

Айлин Крайт

Рёв хищника

<https://litres.ru/74522099>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе, где каждый камень пропитан ложью, единственная надежда — стать тем, которого боится весь город.

И чем глубже ты копаешь, тем яснее осознаешь: враг — не один человек. Враг — это система, которая держит в заложниках саму суть твоей природы.

Значит, придётся научиться быть монстрами. Не для того, чтобы убивать. Для того, чтобы выжить. Чтобы доказать — двое, это не так уж мало.

Но что делать, если цена свободы — уничтожение друг друга?

Они узнают. Когда тьма сомкнётся. Когда рев хищника заглушит эхо их прошлого. Когда придётся выбирать между спасением и мстостью. И когда окажется, что самый страшный зверь — не тот, кто рычит, а тот, кто шепчет.

Вторая часть.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Айлин Крайт

Рёв хищника

Пролог

Первое, что он почувствовал — холод.

Не тот бодрящий холод зимнего утра, не ледяную воду душа, не прохладу ночного воздуха на разгорячённой коже. Нет. Это был другой холод. Тяжёлый, вязкий, проникающий под кожу, в мышцы, в кости. Холод, который не заканчивается, сколько ни напрягайся. Холод, который не уходит, даже если свернуться в клубок. Холод, который идёт изнутри.

Лиам открыл глаза.

Темнота. Не полная — где-то на периферии мерцал тусклый аварийный свет, отражаясь от влажных бетонных стен. Он знал это место. Знал этот запах — мазут, ржавчина, гниющая вода в старых трубах. 4-БИС. Коллектор. Лаборатория.

Он попытался сесть. И не смог.

Руки не двинулись. Не потому что были сломаны — нет, больно не было. Просто... не слушались. Мышцы не отзывались на приказ. Как будто кто-то выдернул провод, соединяющий мозг и тело. Он дёрнулся сильнее — и почувствовал, как металл врезался в запястья. Цепи. Тяжёлые, холодные, обвивающие руки над головой. Прикован к стене.

— Чёрт, — выдохнул он. Голос прозвучал хрипло, сорванно, будто он кричал всю ночь. Хотя, возможно, и кричал.

Он прислушался к себе. К той части, которая всегда была рядом. Которая рычала, скалилась, рвалась наружу. Которая придавала силу, скорость, ярость. Которая делала его — им.

Тишина.

Не просто тишина. Пустота. Как отрезанная конечность, которая всё ещё болит, хотя её больше нет. Как фантомная лапа, которая чешется, хотя её не существует. Он искал своего льва — и находил только гулкую, звенящую пустоту.

Звзя не было.

Лиам замер. Сердце пропустило удар, потом забилось чаще. Паника — холодная, острая, незнакомая — поднялась откуда-то из живота, подступила к горлу.

— Нет, — прошептал он. — Нет, нет, нет.

Он дёрнул руками снова. Цепи звякнули, впились в кожу. Больно. Но боль была далеко, приглушённая, как сквозь вату. Он не чувствовал её по-настоящему. Он не чувствовал ничего, кроме холода и пустоты.

Это не было похоже ни на что. Даже в самые тяжёлые моменты, даже когда он сдерживал трансформацию, даже когда сознание мутилось от усталости, зверь всегда был рядом. Свернувшийся клубком в груди, недовольный, но живой. Присутствие, на которое можно опереться. Сила, которую можно призвать.

Теперь не было ничего.

Он заставил себя дышать. Медленно, глубоко. Вдох через нос — запах мазута, сырости, ржавчины. Выдох через рот — пар в холодном воздухе. Он повторял это снова и снова, пока паника не начала отступать. Не ушла — отступила, затаилась на периферии сознания.

Осмотреться. Нужно осмотреться.

Он повернул голову — движение далось с трудом, шея затекла, позвонки хрустнули. Помещение было тем же, что и до... до чего? Он не помнил момента удара. Только ощущение — ледяное, вытягивающее, как будто из него вырывают душу через позвоночник. А потом — тьма.

Но помещение он узнал. Тот же цех. Те же резервуары, те же трубы под потолком. Установка — массивная конструкция из металла и стекла — стояла на прежнем месте. Она больше не гудела. Не светилась. Индикаторы погасли, мониторы были тёмными, провода безжизненно свисали с потолка, как лианы мёртвого растения.

Отключена.

Он дёрнул цепь ещё раз, сильнее. Металл звякнул, но не поддался. Слишком крепкий. Рассчитан на оборотня. На альфу. На него.

Лиам откинул голову назад, ударившись затылком о холодный бетон. Больно. Но даже эта боль была какой-то... далёкой. Как будто тело больше не принадлежало ему.

Он закрыл глаза.

Адель.

Её не было. Он не видел её. Не чувствовал её запаха — хотя нет, запах был. Слабый, разбавленный, но узнаваемый. Снег. Мороз. Лаванда. След её присутствия. Она была здесь. Раньше. Но сейчас её не было.

Он снова открыл глаза. Осмотрел пространство — насколько позволяла цепь. Металлические платформы, пустые. Резервуары, тёмные. Коридор, ведущий вглубь лаборатории — чёрный провал, без света. Стены — те же схемы, те же рисунки. Цветы, птицы, люди. И — никого.

— Адель, — позвал он. Голос прозвучал глухо, поглощённый бетоном. — Адель!

Тишина. Только эхо — его собственный голос, отражённый от стен. И — капель. Где-то в глубине, вода падала с трубы в лужу. Ровный, методичный ритм. Кап. Кап. Кап.

Он рванул цепи снова. На этот раз — с рычанием, с яростью, с отчаянием. Металл впился в кожу, брызнула кровь — он почувствовал её запах, резкий, металлический. Но цепи держали. Держали крепко.

Выдохшись, он обмяк, привалившись спиной к стене. Тяжело дышал. Руки, вытянутые над головой, затекли — он даже не сразу понял, что это за ощущение. Руки. Обычные человеческие руки, которые болят, если долго висят. Не регенерируют. Не восстанавливаются за минуты. Просто болят.

Он посмотрел на свои ладони. Кожа, стянутая металлическими браслетами. Кровь, запёкшаяся на запястьях. Пальцы, слегка посиневшие от недостатка кровообращения.

Обычные руки.

Он никогда не задумывался об этом раньше. О том, что значит — быть слабым. Быть медленным. Быть уязвимым. Обратни не думают об этом. Они живут веками, восстанавливаются за часы, рвут сталь как бумагу. Они не знают, каково это — чувствовать, как тело отказывает. Как боль не проходит. Как усталость не уходит.

Теперь он знал.

Вот как чувствуют себя обычные люди.

Дерьмо.

Горькая усмешка тронула его губы. Кривая, без веселья. Он запрокинул голову, глядя в тёмный потолок. Кап. Кап. Кап. Вода падала, отсчитывая секунды. Минуты. Часы?

Он не знал, сколько прошло времени. Может, час. Может, десять. Тьма за окнами — или там, где были окна — не менялась. Подземелье. Здесь не было дня и ночи. Только вечный полумрак и холод.

Лев внутри него исчез. Не рычал, не метался, не рвался наружу. Его просто... не было. Как будто его никогда и не существовало. Как будто вся та сила, вся та мощь, вся та ярость — просто сон. Долгий, яркий сон, из которого он только что проснулся в холодную, серую реальность.

Лиам сжал кулаки. Медленно. Пальцы слушались — вяло, через силу. Он чувствовал каждый сустав, каждую связку. Тело, которое раньше было машиной для убийства, теперь напоминало старый механизм, который давно не смазывали.

И это было... унижительно.

Он вспомнил, как смотрел на Адель в их первый день. Как видел в ней хрупкое, смертное существо, которое нужно защищать. Как думал, что она слабая. Что она не понимает. Что она не знает, каково это — быть хищником. Носить в себе зверя. Чувствовать его ярость и силу.

Он ошибался.

Она знала. Она знала это каждый день своей жизни. Она носила кусок металла в груди, который отрезал её от магии. От силы. От сути. Она жила с этой пустотой тридцать лет. С этой слабостью. С этим холодом.

«Так вот как ты себя чувствовала?»

Слова сорвались с губ беззвучно. Он смотрел на свои окровавленные запястья, на посиневшие пальцы, на тонкую струйку крови, стекающую по руке.

Вот как ты жила всё это время. Каждый день. Каждую минуту. С этим... этим ужасом. С этим ощущением, что ты не целая. Что ты отрезана от чего-то важного. Что ты... не ты.

Он закрыл глаза. Горло сжалось. Не от боли — от чего-то другого. От понимания. Позднего, горького, болезненного.

Он столько раз злился на неё. На её страх, на её осторожность, на её ледяное спокойствие. Он думал, что она боится его. Что она отталкивает его. Что она не хочет.

А она просто... жила. Как могла. С тем, что у неё было.

Лиам ударил затылком о стену. Больно. Хорошо. Боль отрезвляла.

— Прости, — прошептал он в пустоту. Никому. Себе. Ей — где бы она ни была.

Он не знал, сколько прошло времени. Секунды, минуты, часы. Время потеряло смысл. Он просто висел на цепях, в темноте, в холоде, в пустоте. И ждал.

Ждал, что зверь вернётся. Что сила вернётся. Что он снова станет собой.

Но зверь молчал. Пустота не заполнялась. Холод не уходил.

Глава 1

Шаги. Он слышал их раньше, чем понял, что это реальность. Мягкие, почти беззвучные — но он слышал. Даже без зверя. Человеческий слух, оказывается, тоже что-то мог. Шаги приближались. Медленные, размеренные. Кто-то шёл по коридору. К нему.

Лиам открыл глаза. Напрягся. Руки дёрнулись в цепях — бесполезно.

Шаги замерли у входа в помещение. Пауза. Долгая. Он чувствовал, что на него смотрят. Изучают. Оценивают.

А потом — голос.

— Ты проснулся.

Спокойный. Холодный. Без эмоций.

Лиам узнал его. Слышал раньше — в квартире с антисептиком и минимализмом. В голосе, который говорил о схемах и формулах, как о поэзии.

Шаги возобновились. Медленные, уверенные. Фигура вышла из тени коридора — высокая, худая, в тёмной водолазке. Волосы — соль с перцем. Глаза — пустые, серые, как бетон.

Он остановился в нескольких шагах. Смотрел на Лиаму. В его взгляде не было ни злорадства, ни торжества. Только холодный, академический интерес.

— Ты не должен был выжить, — произнёс Гилберт ровно.
— Установка вытянула из тебя почти всё.

Лиам смотрел на него. Жёлтые глаза — потускневшие, почти человеческие — не мигали. В них не было ярости. Только тяжёлая, усталая ненависть.

— Где она? — спросил он. Голос — хриплый, сорванный. Каждое слово — как наждак по горлу.

Гилберт чуть наклонил голову. Один уголок губ дрогнул вверх — едва заметно. Не улыбка. Скорее, констатация.

— В безопасности, — ответил он.

Лиам рванул цепи. Металл звякнул. Кровь брызнула с запястий, пачкая бетонный пол. Он не чувствовал боли. Только пустоту там, где должен был быть зверь. И страх — холодный, острый — там, где должна быть уверенность.

— Если ты её тронул...

— Я её не трогал, — перебил Гилберт. Всё так же ровно. Всё так же пусто. — И не собираюсь. Мне нужно, чтобы она была... цела. Для работы.

Лиам замер. Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинец. Для работы. Как образец. Как деталь. Как вещь.

— Ты ублюдок, — прошептал он. Голос сорвался на рычание — но рычание было человеческим, беспомощным, жалким.

Гилберт не отреагировал. Он просто смотрел. Изучал. Как будто Лиам был не человеком, а схемой, которую нужно разгадать.

— Ты думаешь, я хотел этого? — спросил он наконец. Голос оставался ровным, но в нём появилось что-то новое.

Не эмоция. Скорее, оттенок. Едва уловимый. — Думаешь, я планировал стать тем, кем стал?

Лиам дёрнул цепи снова. Бесполезно. Металл врезался в запястья, но не поддался. Он чувствовал, как кровь стекает по рукам, капает на пол. Кап. Кап. Кап.

— Мне плевать, что ты планировал, — прорычал он. — Ты создал эту дрянь. Ты вставил его ей в плоть. Ты...

— Я не делал с ней ничего, — перебил Гилберт. И в его голосе прозвучало что-то похожее на эмоцию. Не злость. Не оправдание. Усталость. Бесконечная, выжженная усталость. — Блокиратор — это её спасение. Без него она была бы уже мертва.

Он сделал шаг вперёд. Один. Медленный. Лиам напрягся, но Гилберт не подошёл ближе. Просто стоял, глядя на него сверху вниз.

— Ты знаешь, что было бы, не сделай я этого? — произнёс он тихо. — Она бы сгорела. Ядро ведьмы без контроля — это бомба. Особенно у такой, как она. Сильной. Нестабильной. Она бы уничтожила всё вокруг. Себя. Нас. Город.

Лиам замер. Слушал. Не хотел слушать, но не мог.

— Я не создавал проблему, — продолжил Гилберт. — Я пытался её решить. Как мог. Как умел. И я до сих пор пытаюсь.

Он замолчал. Смотрел на свои руки. Длинные, тонкие пальцы. Руки хирурга. Руки убийцы.

— Но есть... другой, — произнёс он наконец. — Тот, кого

я не остановил. Не смог.

Лиам слушал. И понимал. Медленно, с ужасом, понимал.

— И этот «он» убивает, — произнёс Лиам.

— Не сразу, — покачал головой Гилберт. — Сначала использовал доноров. Добровольцев. Тех, кто соглашался отдать часть энергии. Но этого было мало. Ядро требовало больше. Больше. Всегда больше. И он начал брать силой. Потом — убивать. Он уверял, что не хочет. Что это... необходимо. Что иначе умрёт.

Гилберт замолчал. Смотрел на установку. На мёртвые мониторы.

— Я пытался его остановить. Создал... другое устройство. Чтобы отключить. Но он не позволил. Обвинил в предательстве. В том, что я хочу его убить. Он... изменился. Стал другим. Жестоким. Параноидальным. Одержимым.

— А Адель? — спросил Лиам. Голос был хриплым, сорванным.

Гилберт посмотрел на него. Долго. Тяжело.

— Я знаю, о чём ты подумал, — произнёс он наконец. — Ты думаешь, он хочет и её ядро тоже.

Он покачал головой. Медленно. Устало.

— Нет. Всё немного сложнее.

Лиам замер. Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как свинец. Хуже. Что может быть хуже?

— Он умирает, — сказал Гилберт ровно. — Медленно. Его тело разрушается. Каждый день. Каждую минуту. Он

держится на энергии, которую поглощает. Но это... не лечение. Это анестезия. Он не останавливает процесс. Он просто откладывает конец.

Он подошёл ближе. Остановился в шаге от Лиам. Смотрел на него сверху вниз. Пустые серые глаза. Мёртвые.

— Нам нужен не источник. Нам нужен... детектор. Кто-то, кто увидит структуру. Кто-то, кто сможет понять, что именно ломается.

— Она, — прошептал Лиам.

— Дели, — кивнул Гилберт. — Она может заглянуть внутрь ядра и увидеть то, что не видят другие. Она — единственная, кто может понять, как остановить распад. Как стабилизировать его. Как... спасти.

Он замолчал. Посмотрел на свои руки.

— Я не могу, — произнёс он тихо. — Я пытался. Годами. Но я — инженер. Я создаю. Я не... не вижу. Не так, как она. Она — ведьма. Она чувствует магию. Она живёт с ней. С самого рождения. Я могу построить машину. Но я не могу понять, что происходит внутри неё. Не по-настоящему.

— Ты хочешь, чтобы она его вылечила, — произнёс Лиам.

— Я хочу, чтобы она его спасла, — ответил Гилберт. — Или... чтобы она подтвердила то, что я и так знаю. Что спасти его невозможно. Что единственный способ остановить его — это...

Он не закончил. Не было нужды.

— Убить, — закончил Лиам. Голос был ровным. Холод-

НЫМ.

— Ты ждёшь, чтобы она сказала тебе, что его нужно убить.

Гилберт молчал. Долго. Смотрел в сторону. На установку. На мёртвые мониторы.

— Я не могу это сделать сам, — произнёс он наконец. — Он был... Он — моя ответственность. Я не могу... просто...

Он снова замолчал. Пальцы сжались в кулаки. Разжались.

— Она должна решить, — продолжил он тихо. — Потому что я... не могу. Не имею права. Я — причина. Я не остановил это вовремя. И не могу быть тем, кто это закончит.

Лиам смотрел на него. И впервые за всё время в его глазах промелькнуло что-то похожее на понимание. Не прощение. Понимание.

— Ты трус, — произнёс он ровно.

Гилберт вздрогнул. Едва заметно. Но вздрогнул.

— Да, — ответил он. — Трус. Убийца. Монстр. Всё, что ты хочешь сказать. Я это заслужил. Но это не меняет того, что я пытаюсь её защитить.

— Защитить? — Лиам дёрнул цепи. Металл звякнул. — Ты держишь её в плену!

— Я держу её в безопасности, — поправил Гилберт.

— А если он убьёт и её? — прорычал Лиам. — Что тогда?

Гилберт посмотрел на него. Долго. Тяжело. После сделал шаг назад. К коридору. К темноте.

— Я почти закончил, — сказал он, оборачиваясь через плечо. — Почти исправил. Вы сами пришли. Дели мне по-

может.

Лиам замер. Слова ударили под дых. Поможет. В чём? Закончить? Исправить? Или — станет следующим экспонатом?

— Она — не инструмент, — произнёс Лиам. Голос — тихий. Опасный.

— Знаю, — кивнул Гилберт. — Но она — единственная, кто может увидеть. Понять. И он это узнает. Когда увидит её.

Он сделал шаг в коридор.

— Не зли его, детектив. Если ты его разозлишь... он может сделать с ней что-то, о чём ты пожалеешь. Не потому что он хочет. А потому что он — сломан. И он не знает, как остановиться.

Шаги стихли. Тишина. Только капель. Кап. Кап. Кап.

Лиам остался один. Прикованный к стене. Без зверя. Без силы. Без надежды.

Он закрыл глаза. И снова увидел её лицо. Синие глаза. Ледяное спокойствие. Морозный запах.

Вспомнил, как она спала рядом. Как дышала. Как доверяла ему.

А теперь она была там. Одна.

Лиам сжал кулаки. Кровь капала с пальцев. Больно. Но боль была далеко. Всё было далеко. Осталась только пустота. И холод. И тишина.

— Я найду тебя, — прошептал он в темноту. — Слышишь? Я найду тебя. Даже без зверя. Даже без силы. Я найду.

1.1

Паника.

Она поднималась откуда-то из живота. Холодная, липкая, тяжёлая. Как вода в лёгких. Он тонул. Медленно. В темноте. В пустоте. В бессилии.

Зверя не было. Силы не было. Надежды не было.

Лиам рванул цепи. Резко. Отчаянно. Металл звякнул. Кровь брызнула. Больно. Но цепи держали. Крепко. Намертво.

— Чёрт, — выдохнул он. Голос сорвался. Хриплый. Жалкий.

Он рванул снова. И снова. И снова. Пока мышцы не загорелись огнём, пока кровь не потекла ручьём, пока сознание не начало мутиться от боли и усталости.

Бесполезно.

Лиам обмяк. Привалился спиной к стене. Тяжело дышал. Пар вырывался изо рта, таял в холодном воздухе. Он смотрел на свои руки. Обычные руки. Слабые. Человеческие. Кожа, стянутая металлическими браслетами. Кровь, запёкшаяся на запястьях. Пальцы, посиневшие от недостатка кровообращения.

Он больше не был Альфой. Он был просто человеком. Прикованным к стене. В подземелье. Без оружия. Без силы. Без себя.

Паника снова поднялась. Холодная. Липкая. Тяжёлая. Он тонул.

«Нет».

Мысль была тихой. Едва слышной. Но она была. Пробилась в сознание. Сквозь холод. Сквозь пустоту.

«Нет. Ты не сдохнешь здесь. Ты не оставишь её. Ты найдёшь выход».

Он заставил себя дышать. Медленно. Глубоко. Вдох через нос — запах мазута, сырости, ржавчины. Выдох через рот — пар в холодном воздухе.

Открыл глаза.

Осмотреться. Нужно осмотреться. Он не был беспомощным. Он был следователем. Лучшим следователем Департамента. Не потому что зверь. Потому что ум. Потому что характер. Потому что он умел находить выход там, где его не было.

Он поднял голову. Осмотрел цепи. Тяжёлые, стальные, с толстыми звеньями. Прикреплены к стене — к металлическим скобам, вбитым в бетон. Скобы на вид крепкие. Но...

Он присмотрелся. Левая скоба — та, что держала цепь над его левой рукой — сидела криво. Чуть-чуть. Едва заметно. Как будто её вбивали в спешке. Или в бетон, который уже начал крошиться.

Он дёрнул левую цепь. Скоба подалась. Совсем немного. Но подалась.

Сердце забило быстрее.

Он дёрнул снова. Сильнее. Скоба качнулась. Бетон вокруг неё треснул. Мелкая крошка посыпалась на пол.

«Ещё. Ещё».

Он работал. Руки горели, кровь текла, мышцы кричали. Но он работал. Раскачивал металл в бетоне. Медленно. Методично. Как вода точит камень. Как время разрушает горы.

Прошло время. Он не знал сколько. Может, час. Может, два. В подземелье не было времени. Только капель. Кап. Кап. Кап. И его собственное дыхание. И скрежет металла о бетон.

Скоба поддалась ещё. Теперь она держалась на честном слове. Ещё немного — и она выйдет.

Он остановился. Перевёл дыхание. Ладони были мокрыми от крови и пота. Он посмотрел на них. Обычные руки. Слабые. Человеческие.

Но они работали. Медленно. Но работали.

Он посмотрел на пол. Под ногами — обломок трубы. Ржавый. Тяжёлый. Длиной с его предплечье. Он дотянулся до него ногой. Медленно. Мучительно. Подцепил. Подтянул ближе.

Теперь у него был рычаг.

Он зажал обломок между коленями. Поддел скобу. Нажал. Металл закрипел. Бетон посыпался. Скоба вышла из стены с влажным хрустом.

Цепь упала. Левая рука освободилась. Он чуть не застонал от облегчения. Плечо горело, мышцы дрожали, но он мог двигаться.

Лиам растёр запястье. Кровь. Больно. Плевать.

Вторая скоба. Правая. Он осмотрел её. Эта сидела крепче. Но теперь у него был рычаг.

Он поддел. Нажал. Металл заскрипел. Бетон треснул. Скоба вышла.

Цепи упали на пол с грохотом. Лиам рухнул на колени. Руки не держали. Ноги не держали. Всё тело горело. Но он был свободен.

Лиам стоял на четвереньках, тяжело дыша. Кровь капала с запястий на бетон. Кап. Кап. Кап. В такт воде.

Поднялся. Медленно. Держась за стену. Ноги дрожали. Мир плыл. Но он стоял. Он был свободен.

Сделал шаг. Колени подогнулись. Он упал. Плечом в бетон.

Больно.

Он зашипел сквозь зубы. Не застонал. Не позволил.

«Вставай. Ты не сдохнешь здесь».

Он встал. Снова. Опираясь на стену. Дыша через нос. Медленно. Глубоко. Вдох — запах мазута, сырости, ржавчины. Выдох — пар в холодном воздухе.

Он посмотрел на свои руки. Обычные руки. Без когтей. Без силы. Кожа, стянутая кровью. Пальцы, дрожащие от слабости. Он больше не был Альфой. Он был просто человеком. Слабым. Медленным. Уязвимым.

Но он был следователем. Лучшим следователем Департамента. Не потому что зверь. Потому что ум. Потому что он

умел видеть то, что другие пропускали. Умел находить выход там, где его не было.

Он осмотрелся. Помещение — тот же цех. Резервуары. Трубы. Установка — мёртвая, тёмная, безжизненная. Коридор — чёрный провал. Где-то там — она. Где-то там — выход.

Гилберт сказал: «Он придёт». Кто? Когда? Неизвестно. Может, через час. Может, через минуту.

Времени не было.

Лиам двинулся вдоль стены. Медленно. Осторожно. Каждый шаг — испытание. Ноги подкашивались, но он шёл. Света почти не было — только тусклые аварийные лампы под потолком, далёкие, как звёзды. Он считал шаги. Пять. Десять. Пятнадцать. Двадцать.

Первая дверь. Металлическая. Приоткрыта. Он толкнул её плечом. Заглянул. Пусто. Стол. Кресло. Мониторы — мёртвые. Записи на стенах — схемы, формулы. Почерк Гилберта. Ровный. Аккуратный.

Он прошёл дальше. Вторая дверь. Заперта. Он подёргал ручку. Бесполезно. Не стал тратить силы. Пошёл дальше.

Третья дверь. Толстая. Стальная. С окошком — маленьким, забранным решёткой. Из-под неё — свет. Тусклый, но живой. И звук. Тихий. Едва слышный. Как будто кто-то дышал. Тяжело. С надрывом. С болью.

Лиам остановился. Прислушался. Дыхание. Человеческое. Слабое. Больное.

Он заглянул в окошко.

Камера. Маленькая. Тесная. Стены — бетон. Пол — бетон. В углу — матрас. На матрасе — человек. Молодой. Худой. Растрёпанные волосы. Шрам на щеке — старый, заживший. Глаза — серые. Пустые. Уставшие. Он сидел, привалившись спиной к стене. Руки — на коленях. Ладони — в мозолях. На запястьях — следы от верёвок. Свежие. Розовые. Воспалённые.

Лиам толкнул дверь. Она поддалась — не заперта. Петли скрипнули.

Парень вздрогнул. Поднял голову. Посмотрел на Лиаму. Долго. Без страха. Без удивления. Как будто ждал.

— Кто ты? — спросил Лиам. Голос — хриплый. Сорванный. Каждое слово — как наждак по горлу.

Парень молчал. Смотрел. Потом — медленно, через силу — улыбнулся. Криво. Горько. Как человек, который давно перестал верить в хорошие концовки.

— Тим, — произнёс он. Голос — тихий. Слабый. — Тим Картер.

Лиам замер.

Он знал эту фамилию. Видел её в досье. На фотографии. Артур Картер. Инженер-энергетик. Погиб пять лет назад. Несчастный случай на паровом коллекторе. Ожоги девяносто процентов. Официально. Списан как производственная травма.

И вот теперь — мальчишка. Молодой. Худой. Шрам на

щеке. Серые глаза. Те же глаза. Только моложе. В них ещё была жизнь. Но уже не было надежды.

— Артур Картер, — медленно произнёс Лиам. — Ты... его сын?

Тим кивнул. Медленно. Осторожно. Как будто это движение причиняло боль.

— Да.

Лиам смотрел на него. Молодой. Худой. Шрам на щеке. Следы от цепей на запястьях. Сын человека, которого он считал мёртвым. Сын человека, который, судя по всему, был жив.

— Ты здесь... — Лиам не закончил. Слова застряли в горле.

— Как эксперимент, — ответил Тим. Ровно. Без эмоций. Как будто читал чужой отчёт. — Неудачный. Полукровка. Ядро слабое. Зверя нет. Это нормально, но отец... он хотел большего. Хотел пробудить во мне зверя.

Он замолчал. Посмотрел на свои руки. На мозоли. На следы от цепей.

— Не вышло. Я остался... никем. Просто... бракованный актив.

Лиам слушал. И понимал. Медленно. С ужасом.

Отец. Тим говорил об отце в настоящем времени. Как о живом.

Артур Картер был жив.

Лиам догадывался, с того момента, как Гилберт сказал:

«Он умирает». Но одно дело — догадываться. Другое — слышать подтверждение.

Артур был жив. И он держал собственного сына в клетке. Как батарейку. Как ресурс.

— Я... пустой, — продолжил Тим. Голос — ровный. Как у человека, который давно смирился. — Как и ты теперь.

Лиам замер.

— Как я? — переспросил он. Голос — тише. Острее.

Тим поднял на него глаза. Серые. Уставшие. Но в них мелькнуло что-то. Узнавание? Понимание?

— Ты — её пара, — произнёс он. Не вопрос. Констатация. — Ведьма. Женщина, которую он привёл.

Лиам не ответил. Просто смотрел. Ждал.

— Он говорил о ней, — сказал Тим. — Давно.

Он замолчал. Посмотрел в сторону. На стену. На бетон. На что-то, чего Лиам не видел.

Лиам смотрел на него. Долго. Тяжело.

— Где она? — спросил он наконец. Голос — твёрдый. Ровный.

Тим кивнул в сторону. За стену. За камеру.

— Медицинский блок. Вниз по коридору. Три поворота. Налево. Там... лаборатория.

Лиам кивнул. Он уже хотел идти. Но остановился. Посмотрел на Тима. На его запястья. На следы от цепей. На матрас. На клетку.

— Ты можешь идти? — спросил он.

Тим горько усмехнулся. Криво. Без веселья.

— Я уже год не ходил дальше этой комнаты. Ноги... отвыкли.

Лиам шагнул к нему. Протянул руку. Руку, которая дрожала. Руку, которая была в крови. Обычную руку. Слабую. Человеческую.

Тим посмотрел на неё. Долго. Потом — медленно, через силу — поднялся. Опираясь на стену. На Лиам. На что угодно.

Он стоял. Шатался. Но стоял.

— Идём, — сказал Лиам. — У нас мало времени.

Тим кивнул. Он сделал шаг. Потом ещё один. Ноги дрожали. Но он шёл.

Они вышли в коридор. Медленно. Осторожно. Лиам — впереди. Тим — за ним. Держась за стену. За трубы. За что придётся.

— Ты сказал, что пустой, — произнёс Лиам, не оборачиваясь. — Он лишил тебя ядра?

Тим остановился. Посмотрел на него. Долго. Тяжело.

— Ядра нельзя лишить, — произнёс он тихо. — Только силы. Оно же остаётся. Просто... пустое. Как сосуд без воды.

Лиам замер. Сердце пропустило удар.

— То есть... — начал он.

— Твой зверь не умер, — сказал Тим. — Он... спит. Проснется ли... я не знаю. Никто не знает. Это... не изучено. Ты — первый, кто выжил после полного истощения.

Лиам смотрел на него. Молодой. Худой. Шрам на щеке. Сын убийцы. Сын монстра.

— Первый, — повторил Лиам. Голос — ровный. Но внутри — буря. Надежда. Ярость. Страх. — Значит, шанс есть.

Тим кивнул. Медленно. Осторожно.

— Может быть. Если найдёшь способ... вернуть силу. Или... если ядро восстановится само. Но это... долго. Может, месяцы. Может, годы.

Лиам сжал кулаки. Кровь запеклась. Больно. Плевать.

— У нас нет месяцев, — процедил он. — У нас нет лет.

Он посмотрел вглубь коридора. Туда, где — он знал — была она. Медицинский блок. Три поворота. Налево.

— Идём, — бросил он. — Сначала — она. Потом — выход.

Тим молча кивнул. Он не спорил. Не задавал вопросов. Просто шёл. Потому что у него не было выбора. Потому что он тоже хотел выбраться. Потому что он тоже хотел жить.

Они двинулись вглубь коридора. Медленно. Осторожно. Два слабых существа. Один — без зверя. Другой — без надежды. Но оба — живые.

Коридор тянулся в темноту. Трубы под потолком — ржавые, покрытые слоем многолетней грязи. Лампы — тусклые, далёкие, как звёзды в чёрном небе. Капель — где-то в глубине. Кап. Кап. Кап. Ровный, методичный ритм. Как метроном. Как отсчёт времени.

Лиам шёл. Ноги дрожали. Руки горели. Тело кричало. Но

он шёл.

Потому что у него был план. Первый шаг — освободиться. Сделано. Второй — найти её. Третий — выбраться.

Он шёл. И где-то глубоко внутри, в самой глубине пустоты, что-то шевельнулось. Едва заметно. Едва слышно. Как далёкий раскат грома. Как первый удар сердца.

Зверь не умер. Зверь спал.

И он ждал.

1.2

Коридор тянулся бесконечно. Бетонные стены, покрытые слоем многолетней грязи, давили с обеих сторон. Трубы под потолком — ржавые, покрытые каплями конденсата — тихо гудели, пропуская через себя остатки тепла. Где-то в глубине, за поворотами, всё ещё капала вода. Кап. Кап. Кап. Ровный, методичный ритм, который в тишине подземелья казался громче ударов сердца.

Лиам шёл первым. Медленно, осторожно. Каждый шаг отдавался болью в избитых мышцах, но он заставлял себя не сбавлять темп. Тим держался позади, у стены, периодически касаясь плечом бетона — не для опоры, скорее, чтобы чувствовать границу пространства. Его дыхание было тяжёлым, с присвистом, но он не жаловался. Просто шёл.

Они миновали первый поворот. Коридор сузился, потолок опустился так низко, что Лиаму пришлось слегка пригнуть-

ся. Тим, более низкий, проходил свободно, но всё равно инстинктивно втягивал голову в плечи.

— Давно ты здесь? — спросил Лиам, не оборачиваясь. Голос прозвучал глухо, поглощённый бетоном.

Пауза. Тим словно взвешивал, стоит ли отвечать.

— Не знаю, — произнёс он наконец. — Я считал сначала. Потом перестал.

Лиам кивнул. Он понимал. Время в подземелье текло иначе. Как вода сквозь пальцы.

— Гилберт сказал, что он... — Лиам запнулся, подбирая слова. — Что он пытается кого-то... исправить.

Тим тихо хмыкнул. Звук был сухим, без веселья.

— Гилберт много чего говорит, — ответил он. — Он всегда говорит. Это его способ... не чувствовать.

Лиам нахмурился. Что-то в этих словах царапнуло слух. Слишком спокойно. Слишком понимающе. Как будто Тим говорил не о тюремщике, а о старом знакомом.

— Он держит тебя в клетке, — произнёс Лиам ровно. — Это не забота. Это плен.

— Знаю, — согласился Тим. И снова — без эмоций. Без обиды. Просто факт. — Но он не знает, что еще делать. Никто не знает.

Лиам остановился. Обернулся. Посмотрел на Тима. Молодой. Худой. Шрам на щеке. Серые глаза, которые смотрели прямо, без страха. Без надежды. Без ничего.

— Ты говоришь так, будто жалеешь его, — произнёс Ли-

ам.

Тим моргнул. Один раз. Медленно.

— А разве нет? — тихо спросил он. — Он потерял друга. Потом — рассудок. Потом — себя. Он пытается спасти то, что осталось. Даже если это... уже не спасается.

Лиам смотрел на него долгую, тягучую секунду. Лев внутри него не шевельнулся. Слишком слаб. Слишком далеко. Но что-то в этих словах было не так. Что-то, что Лиам не мог ухватить. Слишком правильные слова. Слишком гладкие. Как отрепетированные.

— Идём, — бросил он, отворачиваясь. — У нас мало времени.

Они двинулись дальше. Второй поворот. Коридор снова расширился, выводя их в небольшое помещение — перекрёсток. Три прохода. Один — назад, к цеху. Второй — прямо, в темноту. Третий — налево, к медицинскому блоку.

Лиам остановился, прислушиваясь. Где-то в глубине левого прохода мерцал свет. Тусклый, но живой. И — запах. Антисептик. Металл. Она. Слабый след её запаха. Снег. Мороз. Лаванда.

— Там, — произнёс Тим, кивая на левый проход. — Медицинский блок. Она там.

Лиам посмотрел на него. Слишком быстро. Слишком уверенно.

— Откуда ты знаешь?

Тим пожал плечами. Движение вышло вялым, усталым.

— Я слышал, как её привели. Слышал, как говорила. С Гилбертом. — Он помолчал. — Она... спрашивала о тебе.

Что-то сжалось в груди Лиам.

— Что она говорила?

— Просила не трогать. Обещала помочь. Если тебя отпустят. — Тим снова пожал плечами. — Гилберт не ответил. Он никогда не отвечает. Просто смотрит. И записывает.

Лиам сжал челюсти. Зубы скрипнули. Адель. Его Адель. Торгуется с монстром. Ради него.

— Она всегда так, — тихо произнёс Лиам. Слова сорвались с губ сами собой. — Всё время. Берёт на себя. Даже то, что не должна.

Тим промолчал. Но Лиам заметил, как он чуть склонил голову набок. Как будто изучал. Как будто запоминал.

— Странно, — произнёс Тим после паузы. — Ты говоришь о ней так, будто она — твоя.

Лиам резко обернулся. Жёлтые глаза — тусклые, человеческие — вспыхнули. На секунду. На долю секунды. Но вспыхнули.

— Она и есть моя, — произнёс он. Голос — низкий. Рычащий. Даже без зверя.

Тим смотрел на него. Долго. Потом медленно, очень медленно, улыбнулся. Криво. Горько. Как человек, который понял что-то важное.

— Забавно, — сказал он тихо. — Гилберт говорил, что она — инструмент. Отражение. Что-то, что можно исполь-

зовать. Но ты... — Он покачал головой. — Ты смотришь на неё иначе. Как будто она — всё ещё живая.

— Она и есть живая, — отрезал Лиам.

— Знаю, — кивнул Тим. — Но Гилберт забыл об этом. Давно. Когда отец... когда всё началось. Он смотрит на всех как на детали. Как на функции. Она — детектор. Ты — образец. Я — ошибка. — Он помолчал. — Живых в его уравнении не осталось.

Лиам смотрел на него. Что-то в этих словах было... неправильным. Слишком отстранённым. Слишком аналитическим для человека, который сидел в клетке. Но времени думать не было.

— Идём, — бросил он, шагая в левый проход.

Тим двинулся следом. Медленнее. Ноги дрожали. Но он шёл. Держась за стену. За трубы. За что придётся.

Свет приближался. Антисептик становился гуще. Запах снега — сильнее. Лиам ускорил шаг, насколько позволяли избитые мышцы. С каждым шагом сердце билось чаще. Быстрее. Ярче.

За поворотом показалась дверь. Металлическая. С электронным замком — зелёный огонёк. Открыто.

Лиам толкнул дверь.

1.3

Медицинский блок оказался небольшим, но плотно обо-

рудованным. Белые кафельные стены, стерильный свет, столы с инструментами. Мониторы, пищание ровным ритмом. И — кушетка. В центре. Под яркой лампой.

Адель лежала на кушетке. Бледная. Неподвижная. Глаза закрыты. Руки вытянуты вдоль тела — не привязаны, просто лежат. Слишком неподвижно. Слишком тихо.

Лиам замер на пороге. Зверь внутри не дёрнулся. Ничего не откликнулось.

— Адель.

Он бросился к ней. Ноги подкосились на полпути, он упал на колени рядом с кушеткой, схватил её руку. Холодная. Слишком холодная. Но — пульс. Слабый, но живой. Бьётся под пальцами. Ровно. Медленно.

— Адель, — повторил он. Голос сорвался. — Очнись. Пожалуйста.

Она не двигалась. Ресницы дрогнули — едва заметно — но глаза остались закрытыми. Дыхание было ровным. Слишком ровным. Как у человека в глубоком сне. Или в коме.

Лиам обернулся к Тиму. Тот стоял у двери. Смотрел. Не подходил.

— Что с ней? — прорычал Лиам. Голос — низкий, опасный. Человеческий.

— Седация, — ответил Тим ровно.

Лиам сжал руку Адель. Пальцы побелели. Костяшки хрустнули.

— Сколько она уже так?

— С того момента, как вы пришли. — Тим помолчал. — Говорил, что ты... должен остыть. Подумать. Понять.

— Понять что?

Тим не ответил. Он смотрел на Адель. Долго. В его глазах — серых, пустых — мелькнуло что-то. Жалость? Зависть? Лиам не понял.

— Она красивая, — произнёс Тим тихо. — Когда я её увидел... в первый раз. Она была... другой. Не как все. Не как Гилберт. Не как отец.

Лиам медленно повернул голову. Посмотрел на Тима. Что-то в его голосе было... не так. Слишком тёплое. Слишком личное.

— Ты видел её? — спросил Лиам. — До этого?

Тим моргнул. Один раз. Медленно.

— Видел, — ответил он. — Гилберт показывал. Фотографии. Записи. Он собирал данные о ней годами. С того момента, как она начала работать с ним. Над блокиратором. — Пауза. — Он говорил, что она — особенная. Единственная. Что она может видеть то, что не видят другие.

Лиам смотрел на него. Лев внутри — спящий, далёкий — снова дёрнулся. Сильнее. словно пытался пробиться сквозь толщу пустоты. Что-то было не так. Что-то в этих словах. В этом взгляде. В том, как Тим смотрел на Адель. Слишком долго. Слишком пристально.

— Она — моя пара, — произнёс Лиам. Ровно. Твёрдо. Собственнически. — И я её отсюда вытащу.

Тим перевёл на него взгляд. Долгий. Тяжёлый. Потом — медленно, очень медленно — кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда нам нужно спешить. Гилберт вернётся через... — он бросил взгляд на монитор, — ...через двадцать минут. Он всегда возвращается. Проверяет показатели. Записывает данные.

Лиам поднялся. Ноги дрожали. Руки дрожали. Всё тело горело. Но он стоял. Он смотрел на Адель. На её бледное лицо. На её руки. На её грудь — где под тонкой тканью больничной рубашки угадывался металлический контур блокиратора.

— Помоги мне её поднять, — бросил он Тиму. — Мы уходим.

Тим шагнул вперёд. Один шаг. Медленный. Но Лиам заметил, как он движется. Слишком плавно. Слишком уверенно. Для человека, который год не ходил дальше своей камеры.

— Ты сказал, что не ходил, — произнёс Лиам. — Год. Но ты двигаешься...

— Как раненый, — закончил Тим. — Я и есть раненый. Просто... привык. Привык преодолевать. Это единственное, что у меня осталось. Привычка.

Лиам смотрел на него секунду. Две. Потом кивнул. Не было времени на подозрения. Не было сил на анализ. Была только она. И выход. Которого они пока не нашли.

— Куда? — спросил он, поднимая Адель на руки. Она бы-

ла лёгкой. Слишком лёгкой. Как будто часть её уже исчезла.

Тим указал в сторону дальнего прохода. Туда, где темнота сгущалась в сплошной чёрный провал.

— Там. Технический тоннель. Ведёт к старой вентиляционной шахте. Если повезёт — выберемся к реке. С другой стороны города.

— Если повезёт, — повторил Лиам. — А если нет?

Тим посмотрел на него. Долго. Серые глаза. Пустые. Мёртвые. Но где-то в глубине — искра. Едва заметная. Как уголёк под пеплом.

— Тогда мы умрём, — сказал он ровно. — Но не здесь. Не в лаборатории. Не как образцы. А как те, кто выбрал.

Лиам смотрел на него. Молодой. Худой. Шрам на щеке. Брат по несчастью. Или — что-то другое. Что-то, чего Лиам пока не видел.

— Идём, — бросил он, шагая в темноту.

Тим двинулся следом. Медленно. Осторожно. Но — улыбаясь. Едва заметно. Уголком губ.

А где-то глубоко внутри Лиам, в самой глубине пустоты, что-то шевельнулось снова. Едва слышно. Как далёкий раскат грома. Как первый удар сердца.

Зверь не умер. Зверь спал.

Но он слышал. И ждал.

1.4

Технический тоннель оказался ещё уже, чем коридоры. Бетонные стены смыкались так плотно, что Лиаму приходилось идти боком. Адель на его руках — безвольная, тяжёлая, как мокрый песок. Тим шёл впереди. Медленно. Осторожно. Света не было — только тусклый аварийный фонарь, который он снял со стены в медицинском блоке. Луч дрожал, выхватывая из темноты трубы, кабели, лужи застоявшейся воды.

Лиам смотрел на затылок парня. На его худую шею. На то, как он движется. Слишком уверенно. Слишком плавно. Как будто знал каждый поворот. Каждый выступ. Каждую трещину в бетоне.

— Ты был здесь раньше, — произнёс Лиам. Не вопрос. Тим не обернулся. Продолжал идти.

— Да. Гилберт водил меня. Показывал. Говорил, что если что-то случится — если придётся бежать — я должен знать путь.

— Зачем? — Лиам чуть сместил Адель на руках, устраивая удобнее. — Зачем ему помогать тебе бежать?

Тим остановился. Обернулся. В свете фонаря его лицо казалось высеченным из камня. Серые глаза. Шрам. Пустота.

— Потому что он не хочет, чтобы я умер, — сказал он тихо. — Он хочет, чтобы я жил. Даже если я — ошибка. Он...

привязался. Глупо, правда? Инженер, который влюбился в своё создание. Как в книжке.

Лиам смотрел на него. Что-то в этих словах было... знакомым. Что-то, что он уже слышал. От кого-то другого. Давно.

— Гилберт не похож на человека, который привязывается, — произнёс Лиам.

— Все похожи, — ответил Тим. — Просто не все показывают. Он... прячет. За холодом. За формулами. За схемами. Но внутри — то же самое. Страх. Боль. Одиночество. Просто он не умеет... иначе.

Он снова повернулся. Пошёл дальше. Медленно. Луч фонаря дрожал.

Лиам двинулся следом. Адель на его руках была тёплой. Живой. Он чувствовал её пульс — слабый, но ровный. Чувствовал её запах — снег, мороз, лаванда. И что-то ещё. Что-то новое. Лекарства. Седация. Гилберт накачал её. Чем-то, что держало её в темноте.

Тоннель вывел их в небольшой зал. Круглый. С высоким потолком. Трубы здесь шли вертикально — вверх, к поверхности. Где-то далеко наверху мерцал свет. Тусклый. Серый. Дневной?

— Вентиляционная шахта, — произнёс Тим, останавливаясь. — Ведёт на поверхность. Но... — он посмотрел наверх, — ...подъём долгий. И там могут быть... препятствия.

— Какие?

— Решётки. Ловушки. Гилберт говорил, что шахта — ава-

рийный выход. Но он также говорил, что её нужно... охранять. На случай, если кто-то найдёт.

Лиам посмотрел наверх. Свет был далеко. Слишком далеко. Но — выход. Реальный. Он чувствовал это. Зверь внутри — спящий, далёкий — тоже чувствовал. Слабо. Едва заметно. Но чувствовал.

— Сколько времени? — спросил Лиам.

Тим посмотрел на него. Долго. Потом — на Адель. На её бледное лицо. На её грудь. На блокиратор.

— Час. Может, два. Если повезёт. — Пауза. — Но с ней... — он кивнул на Адель, — ...будет тяжело. Она не может идти сама. А подниматься с ней на руках... по вертикальной шахте...

— Я справлюсь, — отрезал Лиам.

Тим смотрел на него. Секунду. Две. Три.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Тогда я пойду первым. Проверю путь. Если что-то случится — крикну. А ты... — он снова посмотрел на Адель. — Ты береги её.

Лиам не ответил. Он просто смотрел на Тима. На его лицо. На его глаза. На что-то, что было там — в глубине. Что-то, чего он не мог назвать. Но что-то, что заставляло льва внутри — спящего, далёкого — снова дёрнуться. Снова попытаться проснуться.

— Иди, — бросил Лиам.

Тим кивнул. Повернулся. Начал подниматься по трубам — ловко, уверенно, как будто делал это сотни раз. Как будто

знал каждую опору. Каждый выступ. Каждый рычаг.

Лиам смотрел ему вслед. И думал. О том, как Тим говорил. О том, как он двигался. О том, как смотрел на Адель. О том, что он знал. Что он видел. Что он помнил.

Слишком много. Слишком точно. Слишком... знакомо.

Но времени думать не было. Адель на его руках. Шахта впереди. Выход наверху.

Он посмотрел на неё. На её лицо. На её закрытые глаза. На её губы — бледные, сухие.

— Я вытащу тебя, — прошептал он. — Слышишь? Я вытащу. Даже без зверя. Даже без силы. Вытащу.

Он начал подниматься. Медленно. Осторожно. Адель на его руках. Тим где-то наверху. Свет где-то впереди.

1.5

Шахта оказалась не просто вертикальной трубой. Ржавые скобы, вбитые в бетон через неравные промежутки. Платформы, прогнившие настолько, что прогибались под весом даже одной ноги. Кабели, свисающие с потолка, как лианы мёртвого леса. И — темнота. Густая, липкая, которая давила на глаза, на лёгкие, на мозг.

Лиам поднимался медленно. Очень медленно.

Адель была на его руках. Безвольная. Тяжёлая. Как камень. Как всё, что угодно, кроме того, что он мог нести.

Руки дрожали. Мышцы горели. Кости трещали. Он оста-

навливался каждые десять футов, прижимаясь спиной к холодной стене, и тяжело дышал, чувствуя, как лёгкие разрываются от недостатка воздуха. Потом — снова. Ещё десять футов. Ещё одна остановка. Ещё один вдох.

«Ты не сдохнешь здесь».

Он повторял это про себя. Снова и снова. Как мантру. Как молитву. Как приказ.

Адель не двигалась. Её голова лежала у него на плече. Волосы — растрёпанные, влажные — щекотали шею. Дыхание — ровное, глубокое — касалось кожи. Она была рядом. Она была жива. Этого было достаточно.

Но руки не слушались.

Лиам никогда не задумывался о том, насколько сильным он был. Сила была данностью. Как дыхание. Как сердцебиение. Он мог поднять машину. Мог свернуть шею медведю. Мог держать Адель на вытянутых руках часами, не чувствуя усталости.

Теперь — не мог.

Каждая скоба, за которую он хватался, впивалась в ладони. Каждый рывок отдавался болью в запястьях — тех самых, которые ещё кровоточили от цепей. Кожа на пальцах стёрлась до мяса. Он чувствовал каждый сустав. Каждую связку. Каждую трещину в костях, которых, возможно, даже не было.

«Ещё десять футов».

Он подтянулся на очередной скобе. Адель качнулась на

его руках. Он сжал её крепче — насколько мог. Насколько хватало сил. Она тихо выдохнула — едва слышно — и прижалась к нему сильнее. Инстинктивно. Во сне.

Он замер. На секунду. На две. Потом — продолжил.

Тим был наверху. Его силуэт едва угадывался в сером свете, который сочился через решётку на поверхности. Он не помогал. Не спускался. Просто ждал. Смотрел.

Лиам не винил его. Тим был слаб. Тим год сидел в клетке. Тим не мог нести Адель. Никто не мог. Только он.

«Ещё десять футов».

Скоба под его рукой хрустнула. Металл, проржавевший насквозь, поддался. Лиам рухнул вниз на фут, прежде чем успел схватиться за следующую.

— Тихо, — выдохнул он. Голос сорвался. Хриплый. Слабый. — Тихо. Я держу.

И он держал. Одной рукой — за скобу. Другой — её. Всё тело дрожало. Мышцы свело. Пальцы онемели.

«Ещё десять футов».

Он подтянулся. Ещё раз. Ещё. Ещё.

Свет становился ближе. Ярче. Серый превращался в белый. Воздух — холодный, сырой, но живой — бил в лицо. Пахло рекой. Пахло городом. Пахло свободой.

Последний рывок.

Лиам вытолкнул Адель вперёд. Наверх. На платформу, которая служила выходом из шахты. Она перекатилась на бок, всё ещё не открывая глаз. Он подтянулся следом. Мед-

ленно. Стиснув зубы. Чувствуя, как каждый позвонок хрустит, как каждая мышца рвётся.

Он выполз на бетонный пол. Упал на спину. Тяжело дышал. Глядя в серое небо. Впервые за — сколько? — часов. Дней? Он видел небо. Настоящее. Живое.

Адель лежала рядом. Её рука касалась его руки. Случайно. Или нет. Он не знал. Он просто лежал. И дышал. И чувствовал, как что-то внутри — глубоко, в самой глубине пустоты — начинает трескаться. Медленно.словно лёд под весной.

Тим стоял в нескольких шагах. Смотрел на них. Долго. Молча.

Лиам повернул голову. Посмотрел на него. И увидел — что-то. В серых глазах. Что-то, что заставило льва внутри снова дёрнуться. Снова попытаться проснуться.

Удовлетворение.

Не радость. Не облегчение. Не сочувствие. Удовлетворение. Глубокое. Спокойное. Как у человека, который сделал всё правильно. Как у человека, который дождался.

Лиам нахмурился. Слишком устал, чтобы понять. Слишком пуст, чтобы анализировать. Он списал это на облегчение. На то, что они выбрались. На то, что все живы. Целы. Свободны.

— Моё старое убежище недалеко, — произнёс Тим ровно. — Полчаса ходьбы. Если сможешь.

Лиам посмотрел на Адель. На её бледное лицо. На её за-

крытые глаза. На её руку, которая всё ещё касалась его.

— Смогу, — ответил он. Голос — хриплый. Сорванный. Но твёрдый.

Он сел. Медленно. Держась за стену. Потом встал. Ноги дрожали. Мир плыл. Но он стоял. Он всегда стоял.

Поднял Адель. Снова. На руки. Сжал крепче. Прижал к груди. Почувствовал, как её сердце бьётся — ровно, слабо, но бьётся.

— Идём, — бросил он Тиму.

Тим кивнул. Повернулся. Пошёл впереди. Медленно. Уверенно. Как человек, который знает дорогу. Как человек, который знает гораздо больше, чем говорит.

Лиам двинулся следом. Адель на его руках. Ветер в лицо. Город впереди. И где-то глубоко внутри — в самой глубине пустоты — что-то шевельнулось снова. Едва слышно. Едва заметно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.